

РАЗДУМЬЯ О ЯЗЫКЕ

«Живой как жизнь», — сказал выдающийся мастер слова К. И. Чуковский о русском языке. Наше знакомство с языком начинается с первых месяцев жизни. Он помогает человеку понять окружающий его материальный мир и проникнуть в мир духовный, постигнуть мир прекрасного, вдохновенного созидания. В. И. Ленин определял язык как важнейшее средство человеческого общения. Без языка нет мыслей, без мыслей нет человека.

Сила сопротивления языка внешнему воздействию поистине поразительная, особенно, когда она сочетается с сознательным стремлением говорящих сбросить в неприкосновенности свое родное слово. Наглядный тому пример — недавно вернувшиеся из Ставрополья казаки-некрасовцы, которые два с половиной столетия прожили на горькой чужбине, перенесли много лишений, но сохранили

русский язык как святыню, как символ своей приверженности к любимой Родине.

Язык человека — зеркало его души, отражение его общей культуры. Если это так, то бедность языка человека свидетельствует о бедности его мыслей, о скудости его души. Но мы живем в эпоху строительства коммунизма, когда особенно важно, чтобы в человеке было все прекрасно. Иначе нам нельзя. В коммунизме не место духовно бедным людям. И уже теперь надо выработать в себе качества, свойственные человеку коммунистического завтра, нужно, в частности, настойчиво овладевать сокровищами мировой культуры, добиваться высокой культуры речи. А уровень речевой культуры у значительной части нашей молодежи, да и не только молодежи, еще невысок. Это находит выражение в некритическом отношении к словам, в неумении правильно излагать мысли,

в многочисленных отступлениях от норм грамматики в устной речи.

Нечего и объяснять, что неумно пользоваться такими уродливыми словами, как «законно» и «железно» вместо «хорошо» или «отлично», «шухарить» вместо нормальных «шутить», «чудить» или «баловаться», «наше вам» вместо «здравствуйте», «пока» и «покедова» вместо «до свиданья» и т. д. И все-таки некоторые молодые люди не без удовольствия пользуются подобным словесным хламом, видя в этом особый шик и удаль.

Нарочитая грубость речи стала нередко выражением дружеских чувств. Идут две молоденькие девушки, оживленно разговаривают, смеются, счастливые своей красотой и молодостью, и одна так, без видимой причины говорит подруге: «Машка, дура, заткнись». А Маша, как ни в чем не бывало, продолжает что-то свое, по-прежнему улыбаясь. Ее не тронули ни «Машка», ни «дура», ни «заткнись». У нее уже

иммунитет к грубости.

Откуда эта привычка к языковому кощунству? Вероятно, оттого, что мы, взрослые — учителя и родители, — не привили младшим умения пользоваться языком, не убедили в том, что грубость в речи унижает самого говорящего, делает его в глазах окружающих безобразно некрасивым, оскорбляет других людей. Впрочем, и некоторые писатели заразились болезнью грубости речи, награждают этой болезнью своих героев и читателей.

Да, в жизни у нас еще не все говорят литературно, не все владеют сокровищами языка. Но зачем это выпячивать в произведениях литературы и кинематографии? Некоторые авторы, очевидно, боясь обвинений в бесконфликтности и в лакировке действительности, не хотят сделать своих героев по-настоящему красивыми и привлекательными. Они, эти герои, самоотверженно трудятся, преодолевают трудности и ошибки (чаще — свои), дружат и любят, но с виду они невзрачны, обычны, даже, пожалуй, некрасивы, характер у многих из них, прямо скажем, неважный, они и грубоваты, и могут «взять за горло». Короче говоря, никто не сможет обвинить автора в идеализации своего героя. Подобные положительные герои положительны лишь

наполовину. Они не всегда увлекают читателей и зрителей, не вызывают желания подражать им, а их язык оказывает порой отрицательное воздействие на речь молодежи.

Думается, что авторы таких произведений забывают о том, что литература и искусство должны воспитывать у читателей и зрителей не только правильное отношение к труду, к социалистической собственности, к друзьям, но и вырабатывать у них такие черты, как вежливость, обходительность, умение говорить, разговаривать просто, правильно, красиво. И эти качества очень нужны людям в наше светлое время строительства коммунизма, общества теплых и сердечных отношений, глубокого взаимного уважения между его членами.

Я тоже против слащавого сюсюканья, эстетского чистоплюйства в обращении с языком. Мы не должны стыдиться называть своими именами все то плохое, что нет-нет да и встретится в нашей жизни и работе. Но ведь обо всем можно сказать правильным литературным языком, используя весь неисчерпаемый арсенал его выразительных средств, как говорили в свое время Пушкин, Гоголь, Чехов, Горький, как говорят сейчас лучшие писатели-современники.

Мы не можем

согласиться с нигилистами от литературы, которые требуют отказа от традиций, от классиков, от грамматики. Слишком много они хотят принести в жертву во имя сомнительной оригинальности. И это очень хорошо, что Коммунистическая партия своевременно обратила внимание на нежелательность таких явлений в литературе и искусстве, как абстракционизм, как искажение советской действительности, и снова на июньском Пленуме со всей ленинской принципиальностью поставила вопрос об очередных задачах идеологической работы.

Было бы неправильно думать, что борьба за художественное мастерство, за культуру речи наших современников не связана с вопросами идеологии. Борясь за культуру языка, мы тем самым способствуем коммунистическому воспитанию совершенно нового, всесторонне развитого, по-настоящему культурного человека, перед которым открываются невиданные горизонты ближайшего будущего.

Для тех, кто интересуется вопросами языка, едва ли есть сейчас что-нибудь более интересное и животрепещущее, чем предстоящая реформа русской орфографии.

В опубликованной в нашем альманахе статье А.

М. Топорова (А. М. Топоров. «Долой грамматический хлам!», «Ставрополье», 1962 г., № 4 (стр. 45—47) с глубокой прочувствованностью и страстностью говорится о несовершенстве русского правописания, как об одном из серьезных препятствий на пути обучения детей русскому языку. Можно было бы прибавить еще много других примеров непоследовательности и трудности существующей орфографии и пунктуации.

«Как? Опять реформа? Опять переучиваться?» — восклицают иногда непосвященные. Да, опять! И ничего в этом нет удивительного. Свод орфографических правил был сформулирован академиком Гротом в 80-х годах прошлого столетия. В 1918 году было проведено существенное упрощение правил письма, а в 1956 году была осуществлена лишь частичная его унификация, которая принесла мало практических результатов. Следовательно, многие правила и исключения, которые нам приходится соблюдать на письме, восходят еще к прошлому столетию. В связи с развитием русского языка в правописании накопилось много такого, что требует уточнения и пересмотра. За это время Россия из отсталой, почти сплошь неграмотной страны превратилась в

социалистическую державу со сплошной грамотностью, а русский язык стал языком межнационального общения народов СССР, одним из самых употребительных международных языков.

Противоречивая, насыщенная множеством правил и исключений из них, русская орфография теперь отнимает мною энергии и сил у слишком большого числа людей. Она трудно усваивается в школе и является одной из главных причин плохой успеваемости. Ее хорошо усвоить не могут даже взрослые люди. И хотя она несравненно проще и обоснованнее, чем, например, английское или французское правописание, все же наступило время сделать ее более удобной и трудоемкой.

Надо при этом сразу отметить, что орфография — это не язык, а, как говорил академик Шахматов, только мундир языка. Это не грамматика, а лишь способ передачи звуков и слов на письме. Поэтому не следует думать, что реформа правописания может внести изменение в грамматический строй языка, то есть в закономерности соединения и изменения слов в языке. Грамматика, как на это указывал в свое время еще Белинский, не выдумана учеными, а существует в нем исторически. Нельзя поэтому согласиться с

требованием А. М. Топорова «долой грамматический хлам!». В действительности речь должна идти не о грамматике и не об отказе от грамматических правил. Это сделать никому не под силу. Можно и нужно говорить о разумном упрощении правописания и пунктуации.

И сейчас идет дискуссия о путях достижения этой заветной цели педагогов учащихся, их родителей — всех тех взрослых людей, в том числе и образованных, которые каждый раз во время письма рискуют прослыть неграмотными. Предлагают всякое. Есть даже предложения писать в соответствии с произношением, оставив в стороне всю грамматику. На первый взгляд, это легко и просто: пиши так, как говоришь и слышишь, и заботы долой! Но в tomto и беда, что такое решение вопроса не убавило бы забот, а прибавило бы их. Прислушайтесь, как говорят у нас в разных местах даже на территории Ставрополья, и вы убедитесь, что единообразие речи только относительное. Едва ли не в каждом районе и населенном пункте говорят по-особому, хотя и по-русски, но неодинаково. А на просторах всей нашей огромной страны еще больше различных местных явлений в языке, называемых говорами и диалектами. Вот и

попробуйте писать по произношению, «по звонам», как говорил еще Тредьяковский. Что станет тогда с нашим письмом? Вместо правописания будет полное отсутствие правил письма, а вместо культуры речи — совершенное ее отсутствие.

Нет! Путь упрощения правописания должен быть иной. Упрощение правописания не должно нанести ущерба языку.

Думается, что, упрощая русское правописание, нужно исходить из следующих принципов.

Правописание должно быть, по возможности, более последовательным, число исключений из общих правил должно быть сведено до минимума, а правила должны быть легкими и удобными для пользования. Самым надежным основанием русской орфографии является морфологический принцип. Он требует, чтобы сохраняли одинаковое написание корни во всех родственных словах, приставки и суффиксы во всех словах, где они встречаются, окончания грамматически одинаковых слов в одних и тех же формах. При помощи этого принципа мы легко определяем неясно произносимые гласные и согласные звуки, изменяя слова так, что эти звуки получают строго определенное звучание. Этот принцип нужно

сохранить и подвести под него множество утративших уже «свое значение исключений и трудно запоминаемых традиционных написаний (ср.: «песчаный» и «кожаный» и им подобные слова пишутся с одним Н, а «стеклянный», «оловянный», «деревянный» надлежит писать с двумя Н, хотя существенных оснований для этого нет, как нет их и в случае с «безветренный», но «ветренный» и т. д.). И только в тех сочетаниях звуков, которые повсеместно в русском языке оказываются одинаковыми, можно допустить написания по фонетическому принципу. Так, например, после шипящих под ударением удобнее было бы всегда писать О, а в неударном положении Е («шопот», «шолк», «тяжолый» и «шептать», «шелковистый», «тяжесть»), Это не вызвало бы затруднений в письме.

Явно устарел в нашем письме «твердый знак». Он давно не обозначает «твердости». Время уже исключить его из азбуки и пользоваться вместо него разделительным «мягким знаком». Следовало бы упростить и многие другие написания и некоторые правила постановки знаков препинания.

Все многочисленные предложения в настоящее время изучаются и обобщаются в специальной

Орфографической комиссии при Академии наук СССР, и скоро будет создан новый свод орфографических правил, более удобных и последовательных.

И не беда, если новые правила покажутся нам непривычными, если нам в чем-то нужно будет переучиваться. Зато какую пользу, какое огромное облегчение принесут они школьникам и взрослым.

Появится, наконец, возможность в школе обучать не только орфографии, но и культуре речи, стилистике, умению пользоваться богатствами языка, то есть, говоря иначе, будет возможность обучать детей русскому языку в подлинном значении этих слов. О том, насколько важно научить детей родному языку в школьные годы, выдающийся русский лингвист и педагог А. М. Пешковский говорил следующее: «Там, где дети усиленно учатся говорить, там взрослые не теряют бесконечного количества времени на отыскание в словесном потоке собеседника основной мысли и не изливают таких потоков вокруг своих мыслей, там люди не оскорбляют друг друга на каждом шагу, потому что лучше понимают друг друга...»

Только проникновенное изучение языка и обогащение его сокровищами поможет избавиться нам от пустых и надоедливых словечек

наподобие «это самое», «значит», «понимаете ли», «вот», «да», «ну», «так сказать» и других, употребляемых без надобности, а лишь для того, чтобы как-то выиграть время, пока не будет в страшных мучениях найдено хотя бы приблизительно подходящее по значению слово. Недаром эти словечки называют словами-паразитами. Употребленные без нужды, они лишь засоряют речь. Лишь постоянно впитывая высокую языковую культуру, мы научимся правильно, к месту употреблять известные нам слова и преодолеем другой речевой недостаток, свидетельствующий порой о нашей поразительной словесной бедности. Я говорю о потоке канцеляризованных, загромождающих нашу бытовую речь, делающих ее серой, скучной, какой-то безликой и дряблой. Всем, например, наскучили слова «по вопросу», «по поводу», «относительно», употребляемые большею частью там, где без них речь была бы проще и точнее. Зачем говорить: «Я напомнил жене по вопросу о билетах в кино»? Смешно ведь это! А иногда говорят. Или еще хуже: «По вопросу свидания я тебе сообщу», — сказала девушка, входя в автобус. «Ну, закругляйся, а то я на работу опоздаю», — говорит уже немолодая женщина своей знакомой. А ведь «закругляться» —

это даже в канцелярской речи вульгаризм.

Преступная небрежность в языке встречается еще очень часто.

Бездущное отношение к речи приводит нередко даже к порче канцелярских штампов, несмотря на их устойчивость. Именно этим можно объяснить появление таких уродливых сочетаний, как «играть значение» и «иметь роль».

И, конечно, одна реформа правописания, хотя ждем мы от нее многого, не освободит еще наш язык от всего наносного, уродливого. Теперь, когда все население нашей страны грамотное, когда стремление к красивому становится все более органической чертой советского человека, пришло время для сознательной борьбы всех членов нашего общества за культуру языка.

Призыв Тургенева «Берегите наш прекрасный русский язык» должны принимать к сердцу не только писатели и учителя, не только интеллигенты, но и все трудящиеся, потому что теперь уже стирается грань между физическим и умственным трудом, и каждый человек на деле является хранителем и продолжателем традиций нашего величественного языка, ибо каждый понимает, что это богатство он бережет для себя, для своих детей, для

коммунистических поколений.

Ю. И. ЛЕДЕНЕВ,
доцент, кандидат
филологических
наук.